МОЯ
НЕИЗДАННАЯ
АВТОБИОГРАФИЯ
Я-КОКО
ШАНЕЛЬ

Я – Коко Шанель

«АСТ»
2013

Я – Коко Шанель / «АСТ», 2013

ISBN 978-5-457-35758-7

Шанель совершила главное открытие XX века. Она открыла Женщину. Ее судьба уникальна. Ее высказывания – злые, умные, точные – это девиз каждого, кто называет себя Женщиной. Однако Шанель была так же далека от феминизма, как доморощенные альфа-самцы. Это издание построено по очень удобной для читателя схеме. Афоризмы и цитаты великой Коко перемежаются с самыми интересными моментами ее биографии, что помогает лучше понять жизнь и принципы Шанель. Данная книга полезнее, чем психологический практикум и гид по стилю, интереснее, чем учебник истории XX века

ISBN 978-5-457-35758-7

, 2013
© АСТ, 2013

Я – Коко Шанель
Е. Мишаненкова (составитель)

Коко Шанель родилась во французском городке Сормюр, 19 августа 1883 года.

При рождении ее назвали Габриель – именем одной из принимавших роды монахинь, как она сама всегда рассказывала. Но вот можно ли ей верить? Коко Шанель сочинила о своей жизни столько мифов, что теперь далеко не всегда можно понять, что из ее рассказов правда, а что откровенная выдумка. Она изменила даже дату своего рождения и всегда утверждала, что родилась в 1893 году. В мемуарах, которые она надиктовывала Луизе де Вильморен и Марселю Эдриху, Шанель никогда не забывала упомянуть, что в 1908 году была еще совсем девочкой, или что в 20-е годы ей не было и тридцати.

Но сочинить легенду легче, чем ее поддержать, тем более в XX веке и тем более, если речь идет о Коко Шанель, интерес к которой со временем нисколько не угасает. Ее жизнь изучена досконально, вдоль и поперек, и хотя в ней все равно осталось немало загадок, дату рождения можно назвать точно и без малейших сомнений – 19 августа 1883 года.

Будущая королева моды появилась на свет в монастырском приюте. Родители ее – Альбер Шанель и Жанна Деволь – в законном браке не состояли, хотя у них уже был один ребенок, девочка по имени Джулия. Но легкомысленный авантюрист Альбер не торопился жениться, а безумно обожающая его Жанна готова была на все, лишь бы быть с ним рядом. И это не преувеличение – она всюду следовала за ним, мерзла, голодала, бралась за любую работу, терпела его измены, тяжело болела, но едва выздоравливала, как вновь спешила туда, куда дух бродяжничества и профессия ярмарочного торговца несли ее непутевого возлюбленного.

При регистрации Габриель Шанель в мэрии были поданы ложные сведения.

Делали это служительницы приюта, а не отец, который как всегда отсутствовал. Приличия ради, им удалось схитрить, и ее мать, Жанну, записали как «проживающую со своим мужем», а в качестве рода ее занятий указали торговлю, тогда как на самом деле она была поденщицей – приходящей служанкой, выполняющей тяжелую работу.

Где-то во время одной из поездок судьба столкнула Альбера Шанель с родственниками Жанны, которые на этот раз решили надавить на него и заставить наконец жениться. Кроме того, они убеждали его переехать в Курпьер, поближе к родне, и после долгих споров и выставления условий Альбер со скрипом, но согласился. 20 мая 1884 года он сообщил в мэрию о смене места жительства, а в июле появилось и официальное оглашение его предстоящей свадьбы с Жанной.

По брачному договору Альбер получал за Жанной пять тысяч франков плюс личные вещи и мебель. Сумма эта была немалая, семье Деволь было нелегко ее собрать. Увы, эти деньги были вскоре растрачены на сомнительные предприятия, принесшие одни убытки. Но брачная церемония все же состоялась – 17 ноября 1884 года Жанна и Альбер наконец-то поженились и официально признали своих двоих детей, Джулию и Габриель.

Через несколько месяцев после свадьбы, в сентябре 1885 года, Альбер решил уехать из Курпьера. Верная Жанна последовала за ним. Так они и провели следующие десять лет – Альбера дух странствий носил с одного места на другое, а Жанна, едва успев родить очередного ребенка, спешила вслед за мужем. А Габриель вместе с братьями и сестрами провела детство у родственников матери в Курпьере.

Февральским утром 1895 года Габриель вошла в комнату матери и закричала от ужаса, увидев мать мертвой.

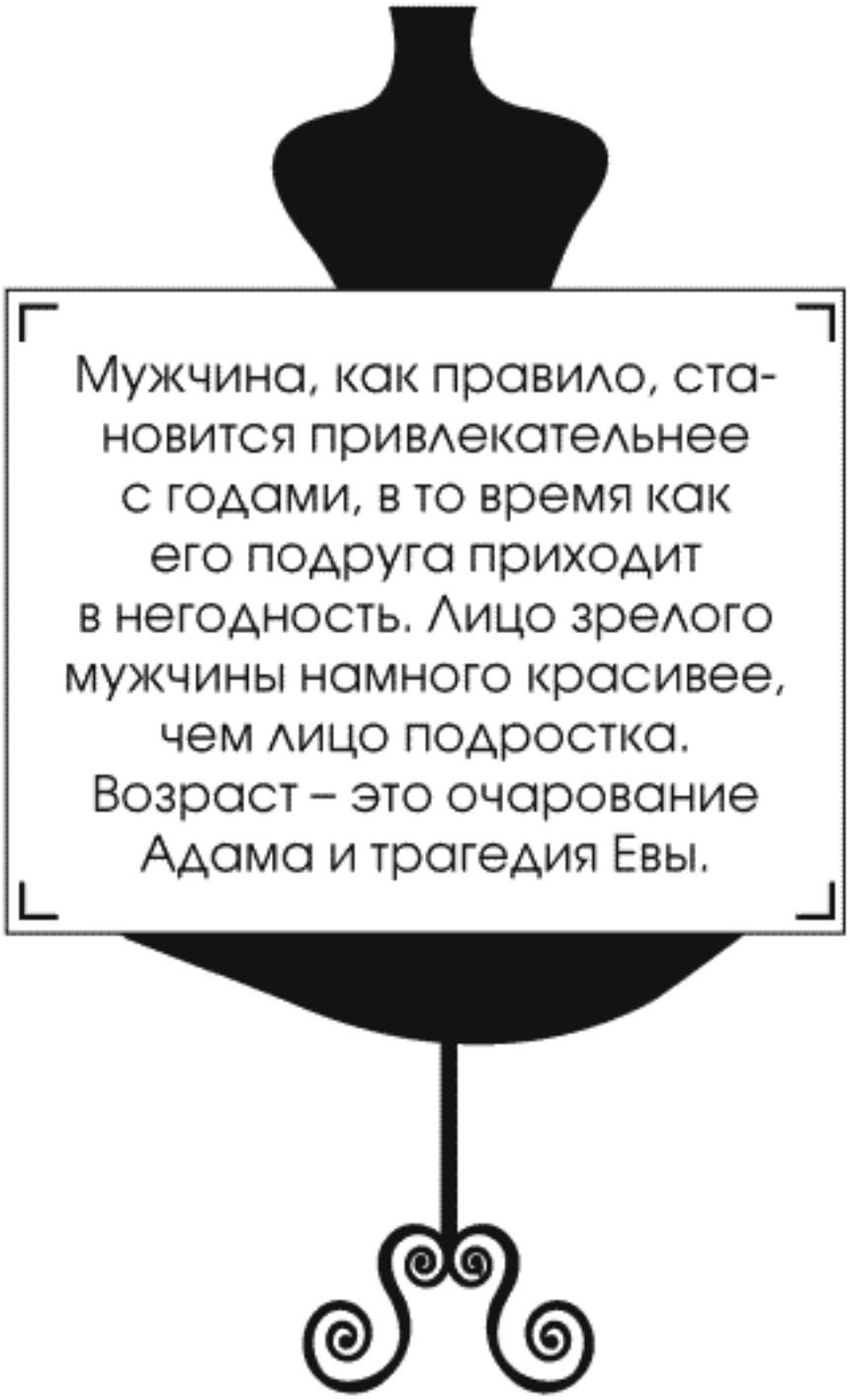
Постоянные недуги и нежелание лечиться свели Жанну в могилу в возрасте всего лишь тридцати трех лет.

Супруги Шанель с двумя старшими дочерьми жили в это время в Бриве – небольшом городке в паре сотен километров от Курпьера. Здоровье Жанны давно уже было подорвано частыми родами, постоянными переездами, тяжелой работой и главное – нуждой. У нее обострилась астма, потом к этому добавился еще и бронхит.

А легкомысленному Альберу уже так надоела и она сама, рано постаревшая и увядшая, и ее навязчивая любовь, и ее слабое здоровье, что он все больше времени проводил подальше от дома, то есть подальше от жены, ее любви и ее раздражающего кашля. Не было его рядом, и когда она умерла.

Вернувшись из очередной поездки, Альбер оказался в сложной ситуации – он понятия не имел, что делать с оставшимися на его попечении пятерыми детьми. Дети были для него обузой. Да и новая жена ему была не нужна, он и на Жанне-то женился под нажимом ее родни. Нет, он не собирался терять наконец-то обретенную свободу.

Фактически, Габриель и ее братья и сестры потеряли сразу не только мать, но и отца.



Коко Шанель выросла и получила образование в монастырском приюте.

Альбер попросту «распихал» сыновей и дочерей туда, куда их удалось пристроить.

Габриель, Джулию и Антуанетту Альбер пристроил с помощью своих родственников, которые были знакомы с попечителями сиротского приюта в Обазине. Туда-то – в монастырский сиротский приют – и отправили двенадцатилетнюю Габриель и ее сестер. Там же, кстати, воспитывалась и тетя Габриель – Адриенн, младшая дочь ее деда с бабушкой, с которой у них было всего пару месяцев разницы в возрасте. Она конечно была одной из платных пансионерок, но это не мешало ей подружиться с племянницами.

Коко Шанель никогда не рассказывала о жизни в приюте. Для своей официальной легенды она придумала себе двух теток, в чьем строгом, но приличном доме она якобы и провела несколько лет после смерти матери. И дело не в том, что в Обазине над нею жестоко издевались или морили голодом – нет, ничего такого не было. Просто переезд туда сделал ее в собственных глазах сиротой без роду без племени, человеком без семьи, нищенкой, живущей за счет чужой милости. От этого унижения она полностью так никогда и не оправилась.

Годы спустя, вспоминая свою жизнь, она скажет: «В двенадцать лет у меня отняли все. Я чувствовала, что я умерла».

Свою легенду Габриель Шанель начала придумывать в двенадцать лет.

Полстолетия потом она ее дополняла и шлифовала, рассказывая с новыми и новыми подробностями, но началось все в 1895 году в монастырском приюте Обазина. Именно там родилась увлекательная сказка о Коко Шанель, сочиненная ею самой.

Сказка прежде всего об отце – красивом, веселом и конечно любившем ее больше всех остальных детей. О достойной и уважаемой жизни – в ее версии Альбер был не ярмарочным торговцем, а владельцем виноградников, а Жанна – не поденщицей, а богатой наследницей. О счастливом будущем – отец обязательно вернется из Америки, заберет их из приюта, купит большой красивый дом, и там они все будут жить богато и счастливо.

Что же подтолкнуло ее к этим фантазиям, и почему они стали для нее настолько дороги, что даже став богатой и знаменитой, Коко Шанель не смогла или не захотела от них отказаться?

Возможно, ключ стоит искать в том, когда и кому она впервые стала рассказывать свою сказку. Ведь в пансионе жили не только сироты, принятые туда из милости, часть девочек была из состоятельных семей, и за их обучение платили деньги. Платные ученицы были лучше одеты, их лучше кормили, у них были лучшие комнаты – они были элитой пансиона, его «сливками». Но Габриель не хотела быть «хуже всех», и поскольку других возможностей подняться у нее не было, она стала доказывать, что это лишь игра случая, это временно, и скоро все изменится. Так и родилась ее легенда о состоятельном отце, уехавшем в Америку.

Чем хуже дела
у девушки, тем лучше она
должна выглядеть.

За исключением
материальных дел,
мы нуждаемся не в советах,
а в одобрении.

Держать в руках иголку Габриель Шанель научили в приюте. Но шить по-настоящему она так никогда и не научилась.

Парадокс – кутюрье, не умеющий шить. Но Шанель вся состояла из сплошных парадоксов.

Что должна была уметь женщина на рубеже XIX–XX веков? Прежде всего готовить и шить. Этому девочек и учили.

Джулия и Антуанетта быстро подружились с иголками и нитками, а вот у Габриель дело не ладилось.

Но конечно чему-то ее все же научили. Выйдя из пансиона, она умела все что надо раскроить, подшить, зашить, надставить, заузить, обшить и т. д. Но как только появилась возможность, сразу переквалифицировалась из портнихи в модельера. Она считала, что работа модистки – это не обязательно сшивание нескольких кусков ткани, шить может и нанятая работница, а она может заниматься тем, что ей по душе – придумывать, фантазировать и творить.

С таким настроем она и шла по выбранной ею дороге. У великого кутюрье Коко Шанель основным рабочим инструментом была отнюдь не игла, а… ножницы. Моделируя платье на манекенщице, Шанель разрезала, закалывала, разрывала, укладывала складки, подкалывала, прикрепляла аксессуары.

В 1964 году на экспозиции в Лувре по поводу двухсотлетия Хрустального завода Баккара Шанель согласилась декорировать большой кубок. Мотивом она выбрала свои ножницы. «На пригласительном билете, – сказала она, – следует отметить, что мое единственное искусство состоит в том, чтобы с помощью этих ножниц резать, упрощать, в то время как другие все усложняют».

В семнадцать лет Габриель впервые устроила открытый бунт.

Как ни странно, подтолкнула ее к этому намного более терпеливая и рассудительная Адриенн – тетушка-подруга, с которой у Габриель было всего несколько месяцев разницы.

Началось все с того, что для Адриенн нашли подходящего мужа – состоятельного нотариуса. Такая партия для бесприданницы, пусть и красивой, была очень выгодной, но… в семнадцать лет девушки мечтают вовсе не о старых некрасивых женихах, пусть и с хорошим состоянием. Адриенн плакала, и Габриель ей предложила: уедем! И девушки сбежали из приюта.

Впрочем, убежали они недалеко – денег у них почти не было, конкретных планов тоже не было, поэтому довольно скоро им пришлось вернуться.

Тогда родственники нашли для «бунтарок» другой пансион – институт Богоматери в Мулене. Туда тоже брали на воспитание бедных девушек, за которых некому было платить, а после окончания обучения монахини даже помогали им находить работу.

Там Габриель пробыла около двух лет, которые показались ей вечностью – из монастыря воспитанниц выпускали только на мессу, да и то под присмотром – парами и в сопровождении монахинь. Жизнь кипела, но Габриель была надежно укрыта от нее за стенами пансиона. Она не раз рвалась все бросить и вновь сбежать, но рассудительная Адриенн ее удерживала, напоминая, что денег у них по-прежнему нет, значит побег все равно закончится также как предыдущий. И Габриель смирялась. До поры до времени.

В 1902 году Габриель и Адриенн было около двадцати лет. Они наконец-то покинули обитель и начали самостоятельную жизнь.

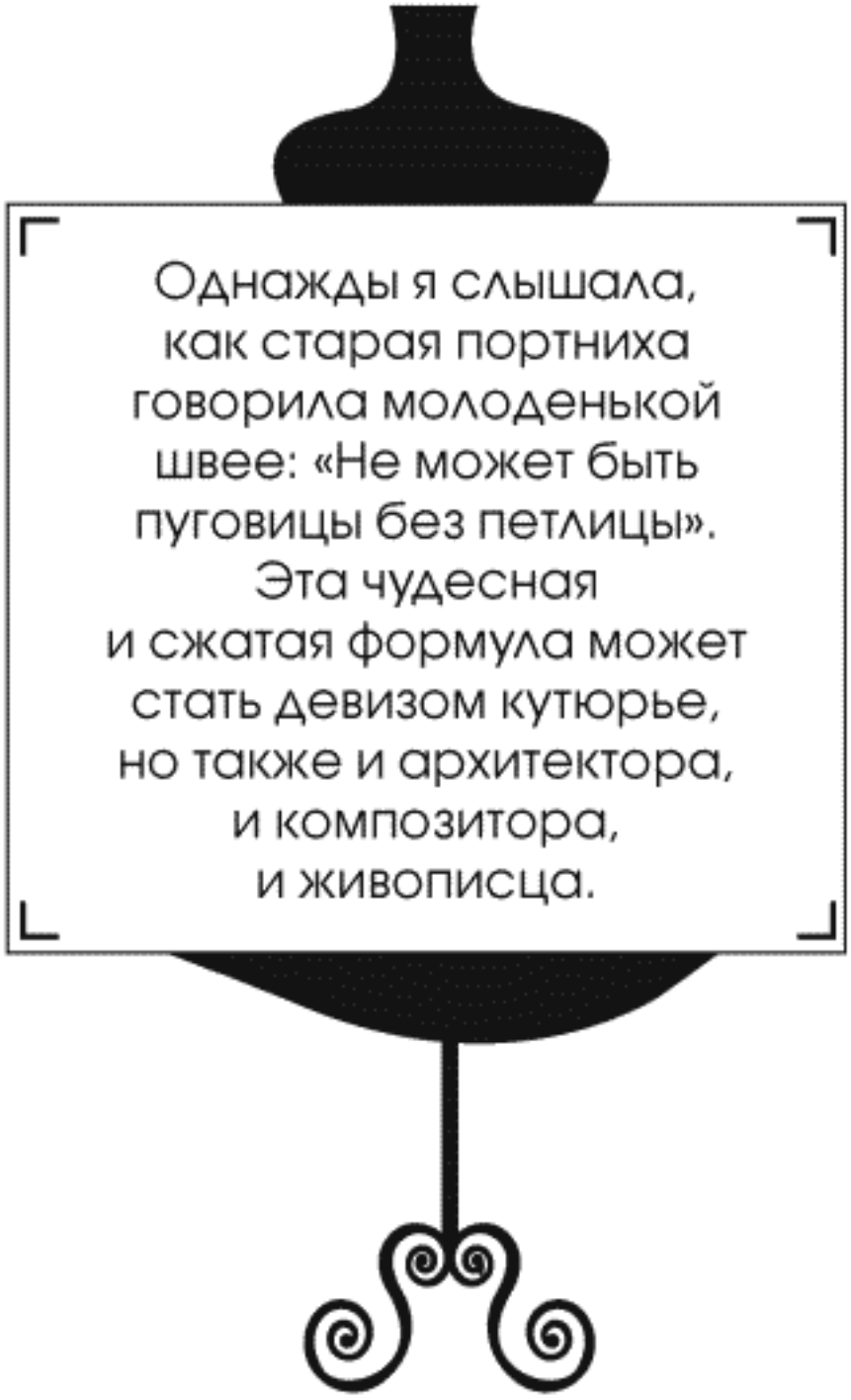
Монахини института Богоматери, подыскали им работу. Габриель и Адриенн устроились продавщицами в магазин «Святая Мария», специализирующийся на продаже приданого для невест, а также всяких дамских мелочей вроде накидок, вуалеток и горжеток.

Поскольку девушки не были обделены ни вкусом, ни обаянием, да и языки у них были подвешены хорошо, от клиенток у них вскоре отбоя не было.

Вскоре стремление к независимости заставило Габриель гордо отказаться от предоставляемой хозяевами комнатки в мансарде и снять собственную комнату в одном из небога-

тых кварталов Мулена. Ее не остановило даже то, что Адриенн не решилась последовать ее примеру. Впрочем, та быстро заскучала в одиночестве и вскоре присоединилась к Габриель.

К тому же, будущая королева моды не довольствовалась работой в магазине. Она хотела куда большего, чем можно было приобрести на жалование продавщицы. Поэтому она начала втайне от хозяев выполнять частные заказы клиенток. Конечно, это означало, что приходилось меньше спать и все вечера корпеть над работой в своей комнате, но зато она понемногу копила кое-какие средства, а главное – у нее складывалась собственная клиентура, и перспектива потерять работу в магазине ее уже не пугала. Она и сама могла заработать себе на жизнь, без чьей-либо помощи. Для независимой Габриель это значило очень много.



Умела ли Шанель петь?

Ее друзья довольно ехидно говорили, что голоса у нее никогда не было. Но певицей она все же побыла и даже получила свой маленький кусочек популярности.

Кто подсказал Габриель мысль попробовать себя в качестве певицы? Возможно как раз кто-то из ухаживавших за ней офицеров, а может и сам директор «Ротонды» – популярного местного кафешантана. Габриель любила петь. И в Обазине, и в институте Богоматери она с удовольствием пела в церковном хоре. Ее приняли на работу певичкой второго плана. В то время было принято рассаживать в глубине сцены несколько элегантно одетых девушек, изображающих дамский салон. Пока выступали «звезды», девушки делали вид, что разговаривают между собою, а в антракте исполняли свои куплеты, чтобы публика не скучала, дожидаясь настоящих артистов. Такие певички не получали гонораров, а проходили после своего выступления между столиками и собирали чаевые.

Вскоре Габриель втянула в это и Адриенн. Успех у них был большой – офицеры хлопали им куда больше, чем профессиональным певицам. Но за это пришлось заплатить репутацией. О новых любимицах публики начали сплетничать, распускать оскорбительные слухи, проходиться по поводу их внешности – худенькую Габриель, например, прозвали «голодающей из Индии». Вскоре слухи о том, чем занимаются недавние пансионерки, дошли и до владельцев магазина «Святая Мария». Те конечно вознегодовали – в их приличном заведении, находящемся под патронатом монастыря, работают кабацкие певицы! Габриель и Адриенн были тут же уволены.

Для кого-то это стало бы трагедией, но Габриель трудности лишь побуждали двигаться вперед. Она закрыла этот этап своей жизни и подписала предложенный ей годовой контракт с «Ротондой».

Если вы хотите иметь то,
что никогда не имели, вам
придется делать то,
что никогда не делали.

Сегодня пчелиная матка —
мужчина.

Когда Габриель Шанель превратилась в Коко?

Сама она утверждала, что так ее называл отец. Он не присутствовал при ее крещении, и выбор имени ему не понравился. «Отец до смерти боялся, что меня будут называть Габи, – рассказывала Шанель. – Он называл меня «маленькая Коко». Ему не нравилось имя Габриель – не он его выбрал. Вскоре «маленькая» исчезло, и я стала просто Коко. Это смешно, я бы очень хотела избавиться от этого имени, но мне так это никогда и не удается». Маленькая Коко – Petit Coco, что означает «цыпленочек», и правда, почему бы отцу не называть так любимую дочурку.

Но увы, и это всего лишь часть легенды – все той же прекрасной сказки о любящем отце, уехавшем в Америку. Прозвище Коко Габриель получила в Мулене, когда была певичкой в «Ротонде».

Ее репертуар был невелик, всего несколько несложных песенок, среди которых наибольшей популярностью поначалу пользовалась «Ко-ко-ри-ко», модная в парижских кафе-шантанах и поэтому всегда принимаемая на ура в провинции. И хотя эта песенка была сложновата для слабого голоса Габриель, публика все равно очень любила ее исполнение и каждый раз вознаграждала бурными аплодисментами.

Но по-настоящему судьбоносной стала для нее грустная песенка «Кто видел Коко в Трокадеро?», о горе юной девушки, потерявшей в парке свою любимую собачку. Габриель вызывали на бис, хлопали, просили спеть еще и еще. Габриель не была великой певицей, да и в песенке не было ничего гениального, но это был тот редкий случай, когда песня и исполнительница нашли друг друга – успех был необычайный для «Ротонды».

Вызывая Габриель с этой песенкой на бис, публика дружно скандировала: «Ко-ко! Ко-ко!» Так к ней и прицепилось это прозвище, оставшееся с ней на всю жизнь.

В 1907 году в жизни Коко Шанель произошел крутой поворот. Она покинула Мулен и поселилась в Руалье – поместье богача, спортсмена и любимца дам Этьена Бальсана.

Вернувшись из Виши, Коко увлеклась конным спортом и крепко подружилась с Этьеном Бальсаном – он служил в кавалерийском полку в Мулене и был одним из ее поклонников. Он стал одним из первых, кто оценил ее яркую личность, и даже когда их пути разошлись, еще долго оставался ее верным другом.

Этьен был богат и популярен, любовниц у него была целая коллекция, в Руалье царствовала не Коко, а блистательная Эмильенна д'Алансон – одна из самых знаменитых куртизанок того времени. Но ни та, ни другая, ни какая-либо еще женщина не была для Этьена единственно важной и дорогой, и Габриель с Эмильенной обе это хорошо понимали, что возможно и помогло им сдружиться.

Интересно, что Этьен Бальсан никогда и нигде, даже спустя много лет, не говорил о Габриель как о своей любовнице, как и она в свою очередь всегда называла его всегда только прекрасным товарищем. Несомненно, их связывали отнюдь не платонические отношения, но не секс был для них обоих важнее всего, а их дружба и взаимопонимание.

В Руалье у Коко вновь проявилась страсть к моделированию одежды и головных уборов.

Правда, теперь она занялась этим не ради денег, а скорее ради развлечения. Все же, ленивая праздная жизнь была не для нее.

Началось с того, что она решила придумать для себя удобный костюм для верховой езды. Она смирилась с тем, что приличия ради надо ездить в седле по дамски, но носить эти ужасные асимметричные (что в ее глазах было настоящим преступлением) амазонки она не собиралась. К тому же, оригинальный, не похожий на другие костюм должен был помочь ей стать не похожей на крутящихся вокруг Этьена и его друзей кокоток. Она ни в коем случае не должна была с ними ассоциироваться, ни за что!

В итоге она стала выезжать в костюме цвета морской волны, похожем по фасону на форму, в которой ходили воспитанницы пансионов. А на голову надевала маленькое круглое канотье с узкими шелковыми лентами. И первый, но далеко не последний раз в своей жизни позаимствовала идею из мужского гардероба – стала носить мужские рубашки, галстуки и спортивные манто.

Сначала ее называли чудачкой, потом стали соглашаться, что в ее нарядах есть какой-то особенный шик, а потом дамы из компании Бальсана одна за другой принялись просить ее сделать и им такие же шляпки. Но вслед за успехом как обычно пришло и разочарование – вскоре Коко с раздражением увидела, что ее прелестные канотье «доработали» и разукрасили перьями, розами, эгретами, а то и вовсе фигурками птиц. Увы, она слишком опередила свое время, в 1907 году дамы еще не были готовы к элегантной простоте, которая впоследствии так прославит ее модели.

В Руалье Коко впервые влюбилась.

Объект ее чувств звался Артуром Кейпелом, но все называли его «Бой». И был он весьма неординарной личностью. Даже происхождение его было покрыто тайной. Ходили слухи, что он незаконный сын какого-то то ли банкира, то ли аристократа, то ли политика, а то и вовсе короля Эдуарда VII. Образование он получил блестящее и был на дружеской ноге с самыми знатными и влиятельными персонами Англии и Франции. Благодаря расположению Жоржа Клемансо, премьер-министра Франции в 1906–1909 и 1917–1920 годах, Кейпел сделал огромное состояние во время первой мировой войны. Впрочем, он был богат и прежде, просто война сделала его еще богаче. Кроме того, в отличие от Бальсана и его друзей Бой интересовался не только лошадьми и женщинами – он был очень начитан, увлекался философией и политологией.

Бой Кейпел и Коко встретились на охоте в По, куда она приехала с компанией Этьена Бальсана. Она влюбилась в него с первого взгляда. «Он был не просто красив, он был великолепен! Мне нравилась его беспечная манера, его зеленые глаза. Он садился на самых норовистых лошадей и был очень сильным. Я в него влюбилась… Он читал, писал книги, делал деньги и находил время заниматься мной».

«Я смогла открыть свой магазин, потому что двое мужчин сражались за мою скромную персону», – это фраза самой Коко, но сколько в ней правды, вот вопрос.

Хотя одно несомненно – чтобы начать свое дело, она воспользовалась помощью и Бальсана, и Кейпела. Впрочем, зачем ей это нужно, понимал лишь второй из них.

Этьен Бальсан был щедрым и даже благородным человеком, но слишком поверхностным и слишком беззаботным, чтобы серьезно отнестись к ее «причуде». Как бы то ни было, он предоставил Коко свою квартиру на бульваре Малешерб, в которой давно не жил, и разрешил использовать ее, как будет угодно.

И вот весной 1909 года Шанель обосновалась в Париже. Для практической части работы она наняла Люсьен Рабате – амбициозную и талантливую модистку, ну а для работы с клиентами пригласила свою младшую сестру Антуанетту.

Строгие элегантные головные уборы, лишенные модной тогда вычурности, сразу обращали на себя всеобщее внимание, чего каждая молодая дама конечно и добивалась.

Но по-настоящему фирма Шанель родилась в 1910 году.

Все, что было до этого, было наполовину хобби, наполовину что-то вроде подпольной подработки Габриель и Адрианн в те времена, когда они были продавщицами в магазинчике приданного. Деньги приносит – да, но лишь деньги, а Коко жаждала престижа, славы, признания ее таланта. Она хотела открыть собственную фирму и повесить на дверь вывеску со своим именем, чтобы стать ровней всем мужчинам-модельерам Парижа. Но для этого требовались слишком большие деньги, которых у нее пока не было. А ждать она не хотела.

И тут неожиданно заартачился Бальсан. Когда она попросила у него в долг денег, он категорически заявил, что не ссудит ей ни франка.

Закончилось, впрочем, все тем, что Этьен нашел для себя наиболее красивый выход – он просто уступил Коко Бою. Как джентльмен джентльмену. А поскольку мелочным он не был, квартиру на улице Малешерб он забирать не стал, и Шанель по-прежнему могла ею пользоваться. Вероятно, такое дружеское расставание устраивало всех троих.

А открыть собственное дело Коко помог конечно Бой. Осенью 1910 года он открыл в банке на ее имя кредит, и она смогла снять большую квартиру на втором этаже дома номер 21 по улице Камбон, параллельной улице Руаяль, то есть в самом центре Парижа. Около входа повесили табличку: «CHANEL MODES».

Он находил время, чтобы
заниматься мною и чтобы
изменять мне каждый день.

В пятьдесят лет женщина
сама несет ответственность
за то, как она выглядит.

Коко выплатила кредит, открытый для нее Боем, уже год спустя, и наконец-то осуществила свою мечту – стала свободной и независимой.

Но это только с виду кажется, что все далось ей легко, на самом деле ей пришлось не только много работать, но и менять собственный подход к жизни.

Дела у «Chanel Modes» шли прекрасно… то есть, Коко так думала. А потом Бой осторожно упрекнул ее в том, что она превысила кредит в банке. И только тогда она узнала, что тратит не свои, а его деньги, то есть все тот же кредит, который он открыл для нее, чтобы она не была стеснена в средствах, пока ее предприятие будет набирать обороты. Для Коко это было ударом. «Я смотрела на красивые вещи, купленные на деньги, которые, как мне казалось, я заработала, – рассказывала она потом. – А, оказывается, за все платил он! Я жила за его счет! Я готова была возненавидеть его».

На следующий день она велела принести ей бухгалтерские книги и принялась их изучать. Хоть она и была дочерью торговца и потом много вращалась среди торговцев, но дебет, кредит, торговый оборот, инвестиции, себестоимость и тому подобное были для нее лишь мудреными словами. Но Коко не стала бы той Шанелью, которую знает весь мир, если бы отступала перед препятствиями. Она быстро всему научилась, хотя из кокетства всю жизнь говорила, что так и не выучилась считать. С того дня она вникала во все и руководила не только творческой, но и коммерческой стороной своего дела.

Через год залог, внесенный Боем, стал не нужен, и он смог забрать назад акции, отданные банку в качестве гарантии. «Chanel Modes» превратилась в прибыльное предприятие.

Кроме поддержки в делах, Бой оказал Коко еще одну большую услугу. Он вывел ее в свет.

Нет, не в высший – туда путь бывшей содержанке конечно был заказан… до поры до времени. Но у Боя Кейпела были знакомства и в другой среде, и даже более интересной – артистической.

Он уже давно высказывал сожаления по поводу того, что у Коко нет достойных подруг. А поскольку сама она не слишком любила заводить новые знакомства, он стал водить ее в театры и знакомить с известными актрисами, в том числе с Габриель Дорзиа и Мартой Давелли, ставшими для Коко хорошими подругами.

Кстати, близкое знакомство с театром всколыхнуло в ней и давнюю любовь к музыке. Конечно, Шанель уже оставила мечты стать знаменитой певицей, но петь все равно любила и всю жизнь напевала во время работы отрывки из оперных арий. Еще она увлеклась танцем, и не просто так – в то время искусство танца переживало свой расцвет, движениями и жестами выражали целые философские учения. Но танцевальных талантов у нее не было, поэтому немного поучившись, Коко потеряла интерес и к ритмической гимнастике, и к танцам. Но это был полезный опыт, ставший хорошим дополнением к тому, чему учил ее Бой.

А он учил свою возлюбленную внимательно читать, видеть, мыслить, понимать, помогал ей расширять кругозор. Без него Коко вряд ли стала бы той внимательной, тонко чувствующей Шанелью, королевой моды и королевой идеального вкуса, которую мы знаем. Именно он был тем ювелиром, который сделал из алмаза совершенный бриллиант, огранив и отшлифовав ее незаурядную натуру.

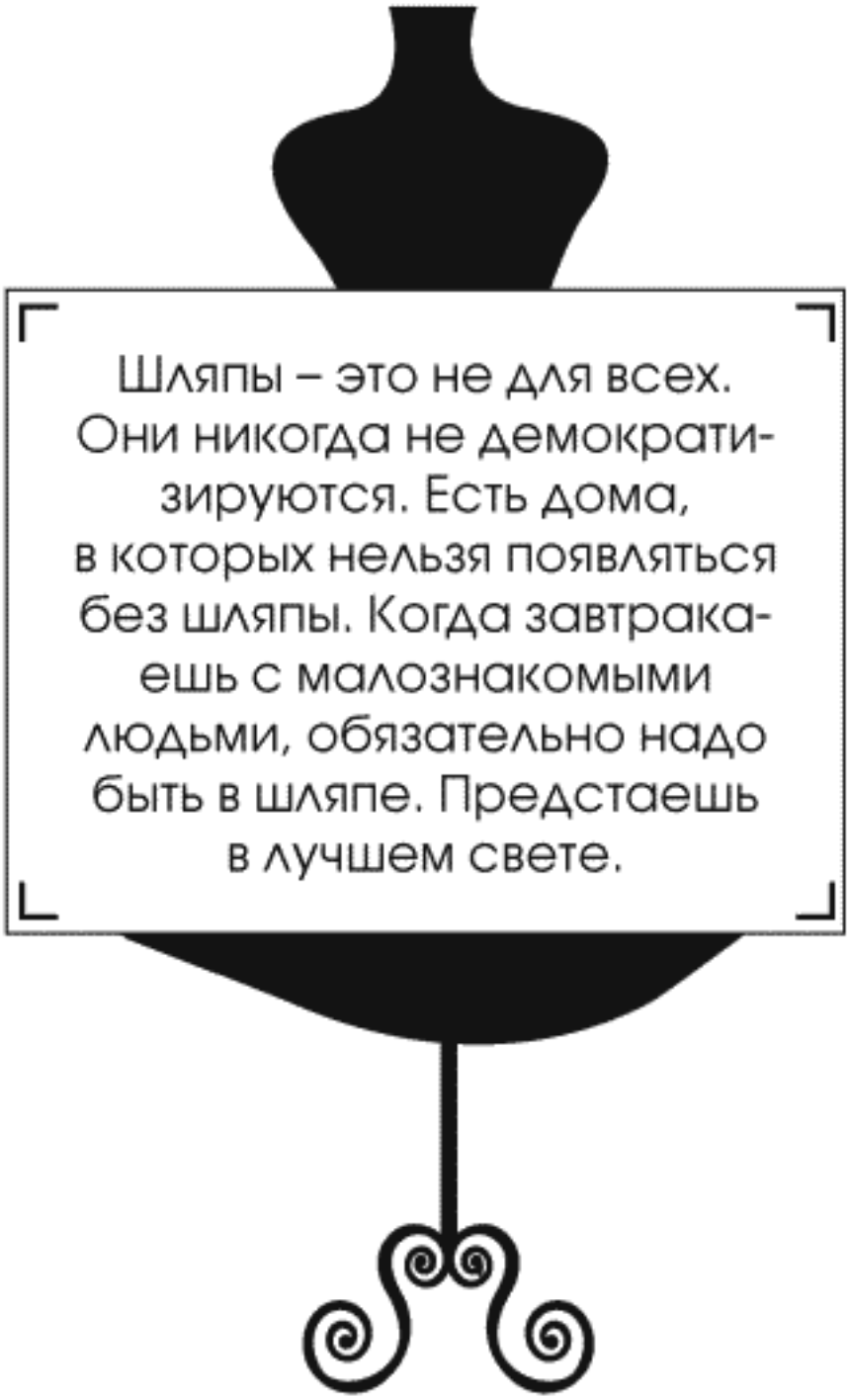
В 1912 году к Коко наконец-то пришел настоящий успех – ее имя теперь было знакомо не только узкому кругу ее друзей и приятелей, а приобрело широкую известность.

«Мод», одна из самых популярных французских газет, написала о ней хвалебную статью и отвела несколько страниц под фотографии дам в шляпках работы Шанель. Среди них были как ее подруги Габриель Дорзиа и Женевьева Викс, так и другие известные актрисы и певицы.

Это было фактически официальное признание – прошли времена, когда о Коко узнавали лишь по «сарафанному радио», теперь она по праву считалась известным модельером… правда, пока только шляп. Но только пока.

В том же году Шанель осуществила еще один прорыв – ей удалось пробиться в театральные модельеры. Наряды, в которых актриса играет на сцене, видит весь Париж, лучшей рекламы и придумать нельзя, поэтому неудивительно, что все модельеры стремились сотрудничать с театрами. И вот успех Коко – Габриель Дорзиа, игравшая в спектакле «Милый друг» Мадлену Форестье (а это главная женская роль в спектакле), выходила на сцену в платьях от Дусе и шляпках от Шанель.

И это тоже было только начало – в дальнейшем Коко предстояло создавать костюмы для спектаклей великого Жана Кокто и для голливудских фильмов. В 1912 году все это было еще впереди, однако первый шаг был сделан.



Летом 1913 года Коко сделала новый шаг на пути к тому, чтобы превратиться в легендарную Шанель, которую мы знаем. Она занялась моделированием одежды.

Началось все с того, что они с Боем Кейпелом поехали в Довиль. Это была идея Кейпела, он считал, что на курорте ей будет проще завязать приятельские отношения со многими важными персонами. Все же на отдыхе люди более демократичны и открыты для общения. А уж продолжить эти знакомства в Париже труда не составит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.